



# #Самиразберёмся ⚡



Екатерина Аксенова

## МЕТЕОРИТ

# АСЯ

шнобель25  
AX33XX3A

RFRF  
👎

ЛП  
👍 👍

ARTx  
👎



3.4k



462



Поделиться



Сами разберёмся!

Екатерина Аксенова

**Метеорит Ася**

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Аксенова Е. Ю.**

Метеорит Ася / Е. Ю. Аксенова — Издательство «Детская литература», 2026 — (Сами разберёмся!)

ISBN 978-5-08-007505-6

С Асей всегда что-то случается. Она из тех людей, которые сделают все для того, кого любят. Ради спасения Макса она готова отправиться за осколком метеорита, исполняющего желания. А в спутники приглашает друга детства Славку и его старшего брата Костика. Следуя классическим «путем героини», они преодолевают множество неожиданных препятствий, встречают волшебных помощников в костюмах кигуруми и чуть не гибнут в лесном пожаре. Эта (почти) реальная история заканчивается благополучно. Но вот вопрос: кому действительно было нужно это безумное путешествие? Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007505-6

© Аксенова Е. Ю., 2026  
© Издательство «Детская литература», 2026

## Содержание

Жертва	6
Секрет	9
Годный брат (но это не точно)	11
Десять тысяч шагов	13
Фиолетовая сова	15
Волшебные камни	17
МаленькИЕ проблемы	19
Белобрысая моль	22
Костик	25
Огуречная атака	27
Искренность – лучшее оружие	31
«Ну, удачи!»	34
Спасибо толику	37
Не заразный	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# **Екатерина Юрьевна Аксенова**

## **Метеорит Ася**

© Аксенова Е. Ю., 2026

© Милехина А. С., иллюстрации, 2026

© Макет, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2026

## Жертва



Из рук выскальзывает тарелка борща. За диваном мерещится хомячок, который, как тебе сказали в пять лет, сбежал с медведями из бродячего цирка. Икота, тошнота, и все время чешется левая пятка. В березовых ветках, прямо напротив окна, застрял черный пакет, похожий на пиратский флаг.

Должно быть хоть что-то! Маленький знак, намек, предчувствие. Не может мир так предательски молчать, когда вот-вот случится страшное. Перед грозой всегда поднимается ветер и темнеет небо. Но ничего подобного не происходит. В детективных сериалах, которые так любит Пашка, жертва никогда не знает, что она – жертва.

Бедняжка занимается обычными делами. Красит губы земляничным блеском. Легонько, чтобы не казалось, что специально накрасилась. Это же никакое не свидание. Пойдем за подарком для Пашки на день рождения. Я сама напросилась, чтобы побыть с Максом вдвоем. Прикинулась дурочкой, будто не знаю, что собственному брату подарить.

Вместо куртки надела любимую толстовку. Плевать, что на улице холодно, но в конце марта от курток уже тошнит! Защитить от ветра призван огромный шарф. А вот какие носки – с кактусами или котиками – сильнее раскрывают мой внутренний мир? Сложный выбор! Пусть будут котики. Сегодня хочу быть милой и пушистой, а не своим парнем.

Поправила волосы, десять раз перекрутила шарф, чтобы смотрелось небрежно, но эффектно, и все равно осталась недовольна. Всем недовольна! Нос чересчур крупный, будто вырос слишком быстро и ему на лице тесно. На правой щеке прыщик. Такой огромный – из космоса видно. На МКС только его и обсуждают. Под глазами синяки, кожа бледная, голубоватая, будто я повстречала дементора. Но мечтать о другом лице времени нет, Макс уже, наверное, у торгового центра. Домчаться бы на электросамокате, но я все деньги спустила на новое шмотье, осталось впрытик на подарок для Пашки.

Перед выходом зашла в телегу прочитать гороскоп. Глупость, конечно, но, когда я нервничаю, ищу везде подсказки. Если по пути в школу увижу пять красных машин – контрольной

не будет. Если Маринка ответит после третьего гудка – помиримся. Метод срabатывает пятьдесят на пятьдесят.

Но в этот раз гороскоп не подвел: «Возможны финансовые трудности. На любовном фронте туманно, с надеждой на прояснения».

«С надеждой на прояснения»! Юху-у-у! Про финансовые трудности гороскоп угадал; может, и на любовном фронте сработает.

Выбежала на улицу. Ух какой зверский ветер! Он будто не дует, а бьет по щекам. Без куртки я моментально заледенела, даже шарф не спас. А мой шарф, на минуточку, почти одел! Волосы разлетелись в стороны, будто я Медуза горгона. И зачем укладывала?! Темная прядь прилипла к губам и унесла весь блеск. А носки... носки промокли, потому что лужа оказалась глубже, чем выглядела. Бедные котики, простите! В кроссовках хлюпала серая вода – злая и грязная, как зима, о которой всем хотелось забыть.

Срежу через парк! Летом там очень красиво, а сейчас беспроглядная серость. Небо, скамейки, деревья и даже люди – целая палитра всех оттенков тоски.

Но впереди замаячило яркое – алый парус на фоне тотального весеннего монохрома. Макс! И его нагло-красная куртка. Сердце забилося быстрее. Еще чуть-чуть – и проколотит дырку. Я прижала руки к груди, чтобы глупое сердце не выдало мой секрет. Но сегодня по гороскопу «надежда на прояснения». Может, Макс сам догадается?

Он шел по обочине, не обращая внимания, что шлепает прямо по лужам и джинсы уже по колено в темных бусинках грязи. Ветер трепал волосы, но Макс наклонил голову, пряча глаза за волнистой челкой цвета молочного шоколада.

Неужели тоже отправился мне навстречу? Почему не позвонил?

– Эй, ты идешь не в ту сторону! – Я помахала рукой, чтобы Макс меня заметил, но он не заметил. – Макс!

Он остановился, откинул с лица шоколадную прядь и несколько секунд смотрел сквозь меня. Чужим, удивленным взглядом.

– Ася? Привет.

Мне нравится слушать, как Макс произносит мое имя. Легкое, воздушное «а» и мягкое, щекотное «ся» – всё вместе не больше секунды, но эту секунду я таю.

– Мы же договаривались у центра встретиться. Это в другой стороне.

– Мы договаривались?.. – Макс держал бутылку воды. Иногда он сжимал ее на автомате, и бутылка поскрипывала. Противно, будто стонала.

– Да! Пойти за подарком для Пашки. Сегодня в четыре. Помнишь, списывались в среду?

Я старалась говорить небрежно, с усмешкой, но получалось плохо. В горле застрял колющий шар, от него голос дрожал. Он забыл! А я, дура, не напомнила! Думала, для Макса это тоже важно.

– Ага, что-то было такое.

Макс открыл бутылку воды. Крышка упала в грязь, но он не заметил. Его трясло мелкой дрожью, словно он наэлектризован. Сделал глоток. Капли потекли по губам, скользнули вниз и упали на куртку. Ткань из нагло-красной стала темной, почти багряной.

– Макс, ты в порядке?..



Его лицо неувовимо менялось. Макс смотрел на меня так, словно решал что-то внутри себя. Он набрал в легкие воздух и сказал быстро, будто прыгнул с обрыва.

– Ась, я...

## Секрет

По гороскопу я Рак. Поэтому, когда Макс сказал, что у него рак, я сначала подумала про зодиак.

«Раки, держитесь крепче! Сегодня ваш мир разлетится в щепки. Возможны незначительные финансовые затруднения, на которые в данных обстоятельствах вам плевать с большой колокольни. На любовном фронте – туманно. Без надежды на прояснения».

Но, когда до меня дошло, я засмеялась. Глупо и нервно. Потому что слово на букву «р» бывает только в книжках и фильмах, в жизни такое не случается. Ну, может, с сыном подруги маминой соседки из студенческой общаги и случается, но с реальными людьми – никогда!

Вот сейчас Макс посмотрит на меня и улыбнется – иронично и дерзко приподнимет правый уголок губ, как умеет только он, – и признается, что это плохая шутка.

Но Макс не посмотрел и не улыбнулся.

Перед глазами замелькали кадры: лысые люди в больничных пижамах, капельницы и всякие жуткие трубки, пустые кровати. Я перестала смеяться и засунула руки в карман. В сотый раз пожалела, что прибежала в одной толстовке и в кармане нет морской гальки, которую я вечно таскаю с собой. Нет ничего прочного, вечного, твердого – ничего, за что можно зацепиться, когда земля уходит из-под ног. Я задышала медленно, маленькими глоточками, будто воздух – капля воды в пустыне. Но это не помогло.

Я сразу простила Максу все-все, до самого доньшка. И как он называл меня «своим парнем». И как засунул снег за шиворот. И как смотрел на свою одноклассницу Милану. Эту белобрысую моль! И даже то, что на меня он никогда так не смотрел.

– Ась, ты только никому не говори, ладно? Это как бы секрет. Ты же свой парень, тебе можно доверять. И давай не будем об этом, окей?

Макс то ли всхлипнул, то ли вздохнул и начал растворяться, будто по нему пару раз прошлись ластиком. Словно кто-то уже стирал его из нашей реальности.

Я сморгнула слезы и больно, до крови, прикусила щеку, чтобы не расплакаться. Мне захотелось изо всех сил вцепиться в Макса – в локоть, где под одеждой прячется родимое пятно в форме банана, в слегка подрагивающую ладонь – не важно! – главное, никогда не отпускать. Будто, пока я его держу, никто не посмеет Макса стереть.

– А Пашка? Пашка знает?

Макс мотнул головой.

– Как не знает?

Макс не рассказал Пашке, но рассказал мне! Мне! Будто я для него особенная. Я! А не Пашка или Милана.

Пашка и Макс – лучшие друзья до конца веков. Не просто друзья – братюни, которые всё всегда делают вместе. Играют в баскетбол – носятся часами как кони. Слушают дурацкие стендапы и при этом ржут как кони. Записывают стримы с очередной игрой. А потом радуются, как кони, что их смотрело, на минуточку, целых пятнадцать человек. Даже за Миланой, этой белобрысой молью, таскаются вместе! Ага, тоже как кони. Которым шоры на глаза надели, и они не видят ничего, кроме этой дурацкой Миланы. Ничего и никого.

Бабтаня про них говорит: «Двое из ларца одинаковых с лица». Хотя они совсем не одинаковые. Пашка, конечно, мой брат, но простой, как... полиэтиленовый пакет. Сам по себе ничего интересного, таких пакетов везде полно. А Макс... Макс необыкновенный! И все, кто рядом с ним, становятся особенными.

Раньше мне казалось, что я тоже пакет. Даже не просто пакет, а дырявый. Обычный-то хоть на что-то сгодится, а дырявый не способен ничего удержать. Так и я не могла ни за что удержаться.

У каждого человека должно быть нечто, что его отличает от других. Какой-то интерес, особенность, фишка. Та самая уникальность, которую не выдумать специально, ее можно только отыскать. И я начала искать. Бабтания называла каждое мое новое увлечение «прожект». И эти «прожекты» сменяли друг друга со скоростью популярных мемов.

Я писала детектив, но не ушла дальше третьей главы. Не интересно, когда знаешь, кто преступник.

Занималась гимнастикой, но там тренерка орала, что мы «коряги» и «жирные» в обычные дни и «жирные коряги» в плохие. Мне такой токсичный подход не понравился, и я бросила.

Подвернулась театральная студия, но там выяснилось, что у меня боязнь сцены.

Ходила в музыкалку, но больше полугода не выдержала. Стало скучно. Там же надо учить ноты, играть гаммы, а дальше Моцарт и прочая тоска, которая поросла мхом еще сто лет назад. Да от одного вида виолончели или скрипки зевать начинаешь.

Я рисовала комикс, мастерила чокеры из бисера, вела блог, изучала корейский, пекла кексы, каталась на скейте, но ни один «прожект» не перерос во что-то большое. Мне было интересно все и ничего конкретно. Я влюблялась в каждый, но всегда находилось что-то еще. Новое.

Мне казалось, у меня нет никакой фишки. Я просто обычный пакет, у которого внутри пусто. Поэтому ничего и не цепляет по-настоящему. Но Макс сказал, что со мной все в порядке. Я мультипотенциал. Это и есть моя фишка, мне не нужно выбирать.

Но именно тогда я и выбрала Макса.

## Годный брат (но это не точно)

– Ася! И ты так по улице шарилась? Едрить-колотить тебя за ногу! Не май месяц в одной кофте ходить! – Бабтаня стояла в дверях, большая и сердитая, как медведица, которую разбудили в январе и заставили играть на баяне.

– Я совсем не замерзла.

Та-а-ак, быстренько стянуть мокрые кроссы и задвинуть улики под банкетку. Сделано!

– Конечно, не замерзла она! – Бабтаню так легко не проведешь. Она перегородила коридор, заправским рестлерским приемом забралась под толстовку и пощупала спину.

– Ледяная!

– Да мне не холодно! – промычала я в медвежьих объятиях.

От бабушки пахло корицей и жареным луком – запах кухонного бога. А еще теплом. Таким теплом пахнет только от бабушек, потому что для них внуки никогда не вырастают и не взрослеют, им всегда три или, может быть, пять лет. А когда тебе три или пять, любую проблему можно решить обнимашками. Можно спрятаться в бабушкином коконе, самом надежном месте на свете, и все остальное перестанет существовать. Но мне уже не пять, я не могу спрятаться от того, что внутри.

А у меня внутри чужой секрет.

Стоило об этом подумать, как стало больно – заломило уши, ноги, пальцы и что-то еще, чему нет названия, но оно жалобно скулит и ноет в груди. Мелкая дрожь прокатилась по телу, в носу зашипало.

– Едрить-колотить! Не холодно ей, а саму вон трясет! – Бабтаня всплеснула руками, кокон развалился на части. – Дуй в ванную!

И я дунула. Включила воду, закрыла шторку – сплела себе новый кокон. Только он уже не работал так хорошо, как бабушкин. Я прижала к себе лейку от душа, чтобы упругие струи били прямо в грудь – туда, где холоднее всего, в район сердца. Из душа бежала горячая вода, а из глаз – соленая. Но ни та ни другая не согревала.

Мысли лезли какие-то странные. Что мы с Максом уже никогда не поженимся, и я не стану Асей Корольковой. Так и останусь до конца веков Кузнецовой, потому что, кроме Макса, я уже никогда никого не люблю, это точно. А еще что мне не идет черный, а придется его носить. Тоже до конца веков.

Я уже мысленно стояла в школьной столовой, убранной черными лентами. Столы сдвинули к стенам, образовалось большое пустое пространство, в центре которого стоял ящик, обитый красным бархатом. Ох...

Сразу захотелось отхлестать себя по щекам, чтобы не хоронила Макса раньше времени. Я запретила себе об этом думать. Еще там, в парке. Но не думать не получалось! В фильмах и книжках от слова на букву «р» всегда умирают. Я запретила себе даже мысленно произносить это слово. Оно почти как Волан-де-Морт, о нем лучше не говорить, чтобы не случилась беда. Но что, если беда уже здесь?

Лучше заменить слово на букву «р» на что-нибудь нестрашное. Рак-мак-шмяк-кряк. Если сказать, что у человека «кряк», звучит уже не так страшно, забавно даже. В голову не лезут лысые люди, больничные пижамы, пластиковые трубки. И похороны тоже не лезут.

Ну вот, опять я про похороны. Надо заменить слово «похороны» на...

Додумать я не успела, в дверь забарабанили так, будто у нас апокалипсис, а я заперлась в единственном уцелевшем бункере.

– Аська! Отдай футболку! – прорычал Пашка и снова забарабанил.

– Отвали, я моюсь! – рыкнула я в ответ, но на всякий случай оглядела бункер. На полу валялось нечто вывернутое, серо-желтое с номером четыре – Пашкина баскетбольная футболка.

– У меня игра, я опаздываю! Футболку отдай и мойся сколько влезет, – надрывался под дверью Пашка.

– Не фиг свое шмотье раскидывать. Она воняет, возьми другую.

– Я хотел в стирку кинуть, а потом сообщение пришло, что игру перенесли на сегодня. Семёныч опять вопить начнет. В прошлый раз Корольков футболку забыл, и Семёныч его играть не пустил. А мне сидеть на скамейке неохота. Открывай!

Пашка хоть и пакет пакетом, но в качестве старшего брата ничего, сгодится. Мы, конечно, цапаемся по мелочам, но вообще дружим. Я бы отдала ему эту дурацкую футболку, вот только, только...

– Нет!

– Ну ты и зараза! – огрызнулся Пашка и странно затих. Сдался, что ли?

Но он не сдался. За ножницами ходил. Замок в ванной можно подцепить чем-то тонким, повернуть со стороны коридора и открыть дверь. Что Пашка и сделал.

– Я не смотрю, я только футболку возьму! – Пашка демонстративно закрывал глаза ладонью и пробирался на ощупь.

– Не-е-е-ет! – Я завизжала и рванула шторку на себя. Но вместе с ней вниз поехала палка, на которой эта самая шторка держалась. Наверное, я дернула слишком сильно, чтобы Пашка не видел, как я разревелась, когда он вспомнил про Макса. Который забывает футболки. Который умеет закатывать глаза так, что видно одни белки. Который любит есть огурцы с медом. У которого «кряк».

Палка долбанула Пашку по голове. Я выронила душ, шланг изогнулся дугой и окатил Пашку дождем кипятка. Он заорал, выбирая исключительно те выражения, которые в приличном обществе не употребляют в адрес младших сестер. Но стоило ему увидеть меня – завернутую в шторку с котиками, рыдающую взахлеб, с красным носом, как Пашкина злость схлынула. Лицо стало растерянное и глуповатое, как у человека, который только что грохнул деньжоженческий торт себе на кроссовки.

Все-таки у меня вполне себе годный брат.

– Ась, у тебя что, эти самые дни? – спросил он, весь малиновый, будто аллергик весной под тополем, в обнимку с тремя собаками и арахисом.

Беру свои слова назад, Пашка – дурак.

## Десять тысяч шагов

Нужно написать Макс. Тогда, в парке, он почти сразу ушел. Или, лучше сказать, сбежал. Но перед этим посмотрел на меня так... так... Его глаза, обычно светло-карие, похожие на карамельный чай, казались темными и глубокими, как два колодца. А на дне пряталось непонятное. То ли бесконечная злость, словно я виновата, что здорова. То ли безумная надежда, будто я могу помочь. Наверное, так смотрит человек в минуту самого черного отчаяния.

Я тогда поняла, что никакая я не особенная. Макс рассказал мне про «кряк», потому что я случайно встретила на пути. Эта новость оказалась слишком тяжелой, одному не вывезти. Вот он и вывалил на меня, а потом спохватился и просил никому не говорить. Будто ему стало стыдно за свою слабость. Я пообещала молчать.

И всё.

Всё, что я смогла выдать: «Окей, я никому не расскажу». Никаких «Капец, какой кошмар!» или «Все будет хорошо, я рядом» или «Я тебя люблю». Ничего.

Чем больше проходило дней, тем сложнее становилось подобрать слова. Макс, наверное, чувствовал неловкость и в гости не приходил. А раньше они с Пашкой часто у нас зависали. В школе такая же история. Стоило Макс. заметить меня на горизонте, как у него срочно звонил телефон или дела государственной важности звали в мужской туалет.

Судя по тому, что Макс меня избегал, я его разочаровала. Не стоило мне смеяться. Но что я поделаю, если у меня такая реакция на стресс?! Наверное, Макс решил, что Аська совсем поехавшая и не понимает, что «кряк» – это серьезно. Или еще хуже – что мне все равно! Макс ведь не знает, что я его люблю. Я умею хранить секреты. Даже если секрет напоминает Цезаря.

Цезарь – это наш кот. Однажды он заболел. Перестал играть, орать и патрулировать стол. Даже облизывать тарелки в мойке не хотел! Лежал целыми днями, как грустная тряпочка, и смотрел в вечность. А я сидела возле него – гладила и плакала, плакала и гладила.

Пашка с мамой отвезли Цезаря к ветеринару, ему назначили курс капельниц. Мы с Бабтаней вызвались таскать его на процедуры. А наш Цезарь, на минуточку, целых шесть килограммов шерсти и наглости. До ветеринара его несла Бабтаня, а дальше наступала моя вахта. Цезаря приходилось крепко держать на коленях, пока капает лекарство. Гладить и успокаивать, чтобы не дергался и не вырвал катетер от страха. Кот смиренно лежал, весь такой несчастный, что проще было себе капельницу поставить, чем смотреть на кошачьи мучения.

Хвала кошачьим богам, Цезарю полегчало. Но курс капельниц никто не отменял. Кота все равно приходилось водить на процедуры и держать на коленях. Правда, шесть килограммов шерсти и наглости уже не хотели лежать спокойно. Цезарь вертелся и крутился, приходилось сжимать его изо всех сил, чтобы не дергался. Руки болели, Цезарь кусался и больше не казался таким несчастным. Наоборот, внутри поднималась тугая злоба – сиди уже спокойно, дурацкий Цезарь! Тяжелый, кусачий, за что мне все это?! Хотелось сбросить его с коленей, передать кому-нибудь другому это сомнительное счастье.

Секрет Макса тоже стал тяжелый и кусачий, будто у меня в руках рыба фугу. Чем дольше я ее держу, тем сильнее она раздувается, выпускает ядовитые шипы и жалит. Но я не могу бросить, не могу передать кому-нибудь. И от этого злюсь. На себя, что не оправдала доверия. На Макса, что он вообще заболел! Только в книжках и сериалах болеют «кряком», а в реальной жизни болеют гриппом. Как он мог заболеть? Как мог разрушить мой мир? Я злюсь, злюсь, злюсь!

Заниматься обычными делами стало невозможно. Все потеряло смысл. Обнулилось! А я еще не поняла, как с этим жить. Хорошо, что Маринка простудилась и в школе никто меня не донимал. После занятий я могла остаться одна и идти. Не куда-то конкретно, а просто идти.

Просто. Идти. Десять тысяч шагов... И дальше.

Я часто так делаю, когда нужно подумать. Для некоторых мыслей необходим простор и движение. Иначе мысли замыкаются в четырех стенах и бродят по кругу. А под монотонные шаги что-то меняется. Возникает если не решение, то хотя бы передышка. Иногда этого достаточно. Ходьба – моя медитация. Пока декорации сменяют друг друга, мысли парят в свободном полете. Дома, улицы, дворы, машины – все как будто есть и как будто нет.

Сегодня еще и погода такая «подходящая» – не понять, апрель сейчас или ноябрь. Люди – воробы, сплошь в черном. Небо ватное, тусклое, будто в фотошопе убрали весь цвет. Будто из меня убрали всякий смысл. Будто я пустой пакет на ветру.

Потом заморосило. Противно так, занудно. То ли дождь, то ли мелкий снег царапал щеки. Ветер поднялся влажный и холодный. Такой вмиг пробирается в рукава и за шиворот, словно хочет добраться до самых костей. Настроение покатило вниз.

Я вытрясла из кармана мелочь, купила стаканчик кофе в забегаловке с шаурмой. Машинально запихнула в карман несколько пакетиков сахара, хотя я сладкий не пью. Бабтаня у нас коллекционирует пакетики с сахаром, мы ей всегда приносим из разных кафешек.

Денег хватило только на американо, а я его не очень люблю. Американо либо кислый, либо горький. Но сегодня мне повезло: кофе оказался не кислым и не горьким, он походил на смесь грязных носков и песка, щедро разбавленную кипятком. Я высыпала в стаканчик пакетик сахара, но кофе стал соленый. Типичная Ася. Вместо сахара схватила соль. Настроение ускорило свое падение.

Зато можно руки погреть. В такие дни, как сегодня, горячий стаканчик в руках напоминает маленькое сердце. Кипяток плещется внутри, и «сердце» тихонько стучит. Теплое и живое. Я не стала ждать, пока оно остынет и остановится, выбросила стаканчик в мусорку. Иначе настроение пробьет земную кору и вылетит с другой стороны планеты, а из дырки поднимется вся печаль мира и затопит меня. Не для этого я целый день брожу в компании колкой мороси и дикого ветра.

Нужно что-то решить. Ну хоть что-то сделать!

Ок, Вселенная, дай мне знак. Как я могу помочь?!

Я даже голову задрала, пока думала эту мысль. Будто оттуда, сверху, на меня глядит большая живая Вселенная, чем-то похожая на Фиолетовую сову. А я перед ней такая маленькая, меньше пылинки. Но она меня видит! Видит, ждет и слушает. А чтобы услышала, нужно кричать громче! Громче!

**ОК, ВСЕЛЕННАЯ, ДАЙ МНЕ ЗНАК. КАК Я МОГУ ПОМОЧЬ? КАК?!**

Это были самые громкие мысли за всю мою жизнь.

Как там бывает в фильмах? Сейчас ко мне подойдет безумный дед и начнет рассказывать, как он победил «кряк» и прожил сто лет. В витрине магазина вспыхнет надпись: «Все будет хорошо». Кто-нибудь заорет на всю улицу, или шлепнется метеорит. Хотя метеорит уже падал недавно. Правда, не здесь, в Воронинске. Второго ждать бесполезно. Ну, не метеорит, так что-нибудь! Прямо сейчас! Тогда я пойму, что Фиолетовая сова меня слышит.

Я зажмурилась, досчитала до десяти и... ничего не произошло. Все та же морось, люди в черном и печаль, которая начала просачиваться из-под земли.

## Фиолетовая сова

Я не заметила, как дошла до дома. Ноги сами принесли в наш двор, пустой и грустный в такую погоду. Но домой не хотелось, и я забралась на качели. Унылое, наверное, зрелище – девочка на качелях под дождем. Сидит, сжимает холодный металл и равномерно движется вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз. Искусственный, механический полет, из-за которого девочка тоже кажется искусственной. Вклеенной из другой реальности.

Именно так я себя и ощущала. В другой, неправильной, реальности. Где в апреле случился ноябрь, а Макс заболел «кряком».

Мне надоело качаться. Но домой по-прежнему не хотелось. Там Бабтаня со своим лока-тором, который улавливает малейшие движения внутрисемейной атмосферы. Особенно если кому-то плохо. Пашка вообще ничего не заметил. Ни то, что я грущу, ни то, что Макс меня избегает. Видимо, Пашка слишком много думает о Милане, а эта белобрысая моль блокирует все остальные мысли.

Я пошла к «Гагарину». Это фанерная ракета-горка у нас во дворе возле песочницы. Ракета высоченная, с разными отсеками и окошками. Популярное место, но в такую погоду там пусто. Идеально, чтобы спрятаться от ветра, от дождя, от себя.

Я прошлепала по луже, забралась в ракету, уселась на пол и уставилась в телефон. Сотый раз за последние дни набрала в поисковике: «Что делать, если у друга „кряк“?» С одинаковым успехом можно просто закрыть глаза. Ничего нового.

Не знаю, сколько я так сидела, – открытых вкладок накопилось море. Но я так и не нашла главного.

**КАК. Я. МОГУ. ПОМОЧЬ.** Без статей о стадиях горя, без советов обнимать и слушать. Это все очень здорово, конечно... Но я должна помочь по-настоящему. Найти шамана, волшебную таблетку, способ попасть в будущее и привезти лекарство оттуда. Зря, что ли, в сказках любовь побеждает всё?!

Я должна что-то сделать, иначе перестану быть собой. Иначе это не любовь, а так...

Ок, Вселенная, дай мне знак! Как я могу помочь?!

**ОК, ВСЕЛЕННАЯ, ДАЙ МНЕ ЗНАК! КАК Я МОГУ ПОМОЧЬ?!**

Ничего.

Я шмыгнула носом. Не ревела, конечно. Просто в такую погоду в носу всегда щиплет. Закрывает глаза. Плотнo-плотнo, чтобы на веках замелькали красноватые пятна, и пообещала себе, что отыщу выход.

Когда я открыла глаза, на меня смотрело небо. Заглянуло в детское окошко, расталкивая бесцветные облака. Будто кто-то рисовал поверх нашей реальности в космическом фотошопе. Голубой перетекал в персиковый, словно акварель, щедро разбавленная водой. Персиковый превращался в розовый, отливая медовым теплом. Такое небо бывает летним вечером. Такое небо случилось для меня.

Дождь закончился, ветер уснул. Лаяли собаки, где-то смеялись дети, старушки стучали палками для скандинавской ходьбы, сигналили машины, у кого-то звенел телефон, и по двору торжественно и знакомо летела какая-то классика. Наверное, Бах или Моцарт. Я уже слышала эту мелодию, но не помню где. Было в ней что-то невыносимо прекрасное. Будто из груди рвется стая птиц, а из-под земли – свежая, хрустящая жизнь. Скрипки то взмывали в небо, замирая на высокой ноте, то обрывались вниз, чтобы у самой земли вновь расправить крылья.

Знак!

У ракеты послышалась возня. Похоже, летнее небо послужило сигналом, и малышня выскочила на улицу, чтобы оккупировать горку. Ни огромная лужа у лестницы, ни холодрыга им не помеха.

Кто-то поднимался наверх. Я тяжело вздохнула: не хотелось покидать уютный фанерный закуток. Казалось, пока я тут сижу, должно произойти что-то хорошее. Но стоит высунуться наружу, как магия рассеется.

– О, Ася, привет! – в ракету заглянул Славка. – Ты что тут делаешь?

– Сижу.

Славка посмотрел на меня странно, со смесью удивления и страха, будто я тут котят мучаю. Славка и сам походил на котенка. Грязного, блохастого котенка, которого жалко, но взять домой мама не разрешает. Такой весь помятый и нелепый, что стыдно и за себя, и за него. За себя, что раньше с ним дружила, за него, что он такой нескладный. На губе кровит простуда, лицо бледное, вечно кислое, будто Славку все время тошнит. Брови до того светлые, что их как будто нет. Зато шапка ядрено-зеленая, детская совсем, с Халком. Он вообще слегка помешан на супергероях. Постоянно одет в огромные футболки – то с Человеком-пауком, то с Суперменом. Будто не понимает, что так он еще больше похож на тощего гнома. Вот же детсад на прогулке!

Раньше Славка был нормальный. Мы вместе ходили в музыкалку. А может, Славка был таким всегда, просто рядом не было Макса. Который идеал. Не зря у него фамилия Корольков. Макс и есть король.

Стоило вспомнить о Максе, как глаза снова защипало, я шмыгнула носом и прикусила щеку, чтобы не разреваться.

– А ты чего пришел? – спросила я с раздражением.

– Тоже хотел... посидеть. – Славка опустил глаза, будто оправдывался. – Ась, ты в порядке? – добавил он тут же.

– Супер! А что? – буркнула я не особо дружелюбно. И тут же подумала, что выгляжу я наверняка ужасно. Щеки от ветра покраснели и горят, из носа течет, глаза опухли.

Славка хотел еще что-то сказать, но у него зазвонил телефон. Та самая мелодия! Которая Бах или Моцарт. Он глянул на экран, но не ответил, снова сунул телефон в карман. Пока Славка спускался по лесенке ракеты, мелодия играла и играла. Музыка летела в вечернее небо, невыносимо прекрасная, как надежда.

Славка спрыгнул в лужу. Закатные облака плыли у него под ногами, будто он парил в воздухе. А когда пошел, по воде побежала рябь, и мне показалось, что у другого, перевернутого, Славки затрепетали совиные крылья.

– Эй, Слава, что это за музыка? – крикнула я вдогонку.

– Бибер, – бросил он не оборачиваясь и дальше пошлепал по лужам.

Бесит! Думает, раз я всего полгода ходила в музыкалку, то не отличу Моцарта от уставшей попсы. Как же бесит!

## Волшебные камни

В руке дзынькнул телефон. На экране всплыло сообщение от мамы. Ничего особенного, бананов купить. Я смахнула его и случайно ткнула в одну из вкладок. На экране начался ролик о Челябинском метеорите, упавшем в тринадцатом году. Откуда этот ролик вообще вылез?! А, точно, я же гуглила про метеориты. Пару недель назад все обсуждали тот метеорит, что упал рядом с Воронинском. Писали, он развалился на куски совсем близко от поверхности Земли и около города можно отыскать обломки.

Я люблю камни. Они похожи на спрессованное время. У меня в кармане всегда лежит один. Иногда кристалл горного хрусталя, он весь из себя такой магический, ведьмовской. Мне нравятся его гладкие, прохладные грани. Иногда я беру с собой необработанный кусочек сердолика, похожий на домашнюю карамель. В моей коллекции не только благородные минералы, обычные булыжнички тоже есть. Желтоватый песчаник с крапинками слюды. Кусочек серого, слегка дымчатого, мрамора. Но чаще в кармане живет морская галька. Она особенная. С нее все началось.

Я тогда впервые оказалась на море. Я смотрела на него, оно – на меня. Я маленькая, оно – большое. Мне всего восемь, а море вечное. Но прямо сейчас мы рядом. Холодный язык лизнул кончики пальцев. Они стали соленые, мокрые. В глазах тоже стало солоно. От ветра, от радости, от восторга, что пенится и бурлит внутри и наконец со смехом вылетает наружу. И я лечу вслед за ним! Прямо в распахнутые руки волны. Сначала холодно, щекотно, странно, а потом тепло. Будто море – это бабушка, которой сто тысяч лет.

Я увезла домой полные карманы гальки. Круглой, продолговатой, овальной. Потом, конечно, все растерялось. Остался только один камушек. Вытянутый, серый, с бледными линиями, будто обмотанный ниткой. Ровно такого размера, чтобы удобно ложиться в мою ладонь. Я ношу его в кармане, чтобы иногда гладить и вспоминать море. Прохладная галька нагревается, становится живой и теплой, будто море тоже обо мне помнит.

Интересно, какой на ощупь метеорит? Космос, который можно потрогать. Наверняка такой холодный, что обжигает. Пальцы слегка покалывает, будто камень наэлектризован. Даже с закрытыми глазами чувствуешь, что метеорит фиолетовый и чуть-чуть серебряный.

Я достала мою гальку, ощутила знакомую тяжесть. Пыталась представить, что это метеорит, но ничего не вышло. Прохладная, матово-гладкая, уютно-серая галька. Ни одного электрического разряда. За тысячи лет море вылизало из гальки весь космос.

А что, если... Так и забила в поисковике: «Какой на ощупь метеорит». Но Яндекс на этот раз не нашел внятного ответа. Тут же полезли видео с Челябинским и Воронинским метеоритами и статьи про Тунгусский. Но это совсем не то!

Зато я нашла целое сообщество метеоритоискателей. Эти чудаки выискивают камни из космоса и продают ученым или коллекционерам. Самые дорогие – камни с Луны и Марса. Интересно, откуда прилетел Воронинский? Я зашла на форум.

Ого, а профессия-то популярная! Ну и для чего нам твердят о пользе высшего образования, если можно камни по полям искать и неплохо так зарабатывать? На форуме десятки сообщений с предложениями о покупке и продаже осколков Воронинского метеорита. Даже за самые маленькие кусочки предлагают большие деньги. Что в нем такого особенного?

Я прокрутила ленту и нашла несколько статей. Кликнула одну с громким названием «Волшебные камни» на информационном портале Воронинска. Метеорит пролетел над городом и упал в лесу на окраине, развалившись на осколки. Несколько штук нашли местные жители.

А дальше начались чудеса!

Один мужчина выиграл в лотерею миллион, хотя до этого двадцать лет не выигрывал больше сотни рублей. Другой попал в аварию – машина перевернулась, упала в кювет и начала гореть, мужчина пытался выбраться, но двери заклинило. Вдруг из леса выскочил лось – лось! – и разбил стекло копытом. Мужчина отделался сотрясением мозга и парой порезов. Кто-то нашел клад времен татаро-монгольского ига, когда рыл колодец на даче. Кто-то излечился от многолетней жесточайшей аллергии, а кто-то от «кряка». У одной женщины началась внезапная и необъяснимая ремиссия на четвертой стадии. У всех этих людей, если верить статье, был осколок метеорита!

Ниже шли фотки чудесных осколков. Они были фиолетовые! Ну, может, больше черные, но с фиолетовым отливом. Слегка закопченные – оплавилась, пролетая через атмосферу. Все в блестящих прожилках, будто по камням текло расплавленное серебро. Идеально!

Внутри похолодело, а потом горячая волна прокатилась по телу и наполнила меня до краев. Вот оно! Я рассмеялась, легко и свободно, как человек, который наконец-то увидел цель. Я найду для Макса метеорит, и он поправится.

## Маленькие проблемы

Я все рассчитала. Целое исследование провела, чтобы составить идеальный план. Хвала кошачьим богам, у меня получилось! Пришлось разобраться, как пользоваться картой звездного неба, выучить пару лайфхаков о выживании в диких условиях, купить компас, отрастить бороду и раздобыть собаку. Ну, почти.

Я нашла отдельную группу в «ВК» о Воронинском метеорите. Там собрана куча полезной инфы от искателей. Ребята оказались шарахнутые на всю голову! Это ж надо по записям видеорегистраторов рассчитать азимут на различные фазы падения, перенести проекцию следа метеорита, снятую метеоспутником, на карту и в результате вычислить, что основная часть осколков упала в окрестностях турбазы «Лосиная гора», в двадцати километрах от Воронинска.

Туда, конечно же, двинули все. Даже из Хабаровска поперлись! А это, на минуточку, на другом конце страны. Форум так и пестрел сообщениями: «Всем привет, прилетел в Воронинск» или «Два дня на „Лосиной горе“, пока ничего не нашел». Но были и те, кто нашел! Один счастливчик отыскал метеорит, даже скинул координаты места и фотку камня. Ему тут же посыпались предложения о покупке, но счастливчик больше на связь не выходил. Видимо, были и другие, поумнее, кто не писал о находке, а тихонько ждал собственного чуда. Я особо не переживала. Как говорит Бабтаня, «твой гриб тебя в лесу дождется – куча людей мимо пройдут и не заметят, а тебе в руки прыгнет». Так и мой метеорит прячется где-нибудь под сосной или в овраге, в зарослях прошлогоднего папоротника, и ждет меня. Нужно только до него добраться!



До Воронинска примерно четыреста километров – пять часов на электричке. Нужно доехать до «Лосиной горы», отыскать метеорит, переночевать на турбазе – и в обратный путь. Дело плевое! Можно управиться за два дня.

Я скачала карты Воронинской области и самого города на случай, если интернет отрубится. Заскринила расписание электричек и автобусов до «Лосиной горы». Правда, на турбазе все домики оказались раскуплены на месяц вперед, но там был кемпинг, где можно поставить палатку и заплатить в два раза меньше, – идеально!

Вот только обнаружилась одна литл проблем. Точнее, не одна и вовсе не литл, а большая такая, жирная проблемщица: я не могу никому рассказать, куда собираюсь. Я даже не могу внятно объяснить, зачем мне метеорит. Назвать причину – выдать секрет Макса. А это сделать невозможно, я обещала!

Но даже если плюнуть на обещание, никто не поверит в метеорит. Только пальцем у виска покрутят и решат, что Аська совсем того. Инфантильная, шарахнутая, чокнутая, шизанутая, с приветом, без мозгов, звезданутая дура, если думает, что кусок камня из космоса может вылечить «кряк». Купилась, идиотка, на байки из интернета и сорвалась в лес на поиски чуда.

Ну да, звучит странно. Даже, пожалуй, дико. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее сомневаюсь. Но! Когда происходят дикие, совершенно немыслимые вещи, когда страшный и далекий «кряк» из фильмов и книг врывается в реальную жизнь, чудо – единственная вещь, за которую можно держаться, чтобы не сойти с ума от страха. В такие моменты в чудо верить сложнее всего, но не верить тоже невозможно. Иначе все теряет смысл.

Если мир допускает страшное и не допускает чуда, зачем вообще такой мир? Я обязана добыть для Макса метеорит. И для себя. Чтобы мир из бездушного хаоса снова стал живой Фиолетовой совой, которая ничего не делает случайно.

Вот как это объяснить?

Поэтому я не могу никому рассказать. Не могу попросить маму или Бабтаню поехать со мной. С Пашкой тоже не пустят. Я уже молчу про Маринку. А одна я ехать не могу. Вот прям совсем-совсем одна. Мне, ну... как бы немного, самую чуточку, страшно.

Вдруг я перепутаю электрички и уеду вообще в другую сторону? Со мной такое случается. Я мистическим образом путаю маршрутки: сажусь в шестерку, а вылезая из двадцать второй. Вдруг меня выгонят с турбазы? Одинокая девочка с палаткой выглядит как минимум странно, как максимум – подозрительно. Вдруг кто-нибудь позвонит в полицию! Объясняй потом маме, что я делаю на какой-то «Лосиной горе» в Воронинске. Да меня запрут дома в лучшем случае до конца жизни. Вдруг, пока я ищу метеорит, сама потеряюсь в лесу и уже придется искать меня? Это еще не вспоминая о маньяках-убийцах-насильниках-грабителях и прочих «веселых» личностях, которых запросто можно встретить по пути.

Все эти «вдруг» с глухим стуком падали друг на друга, доводя меня до отчаяния. Я почти отказалась от этой затеи, когда на горизонте появилась Милана.

## Белобрысая моль

Апрель перевалил за середину и наконец-то перестал косплеить ноябрь, вспомнил, что он весна. Небо налилось синью и воздухом, густело, звало. Деревья зазеленели разом, будто ждали команды. Воздух потеплел и вкусно пах дымом. Где-то за городом начались традиционные весенние пожары, каждый день приходили сообщения от МЧС о запрете разводить открытый огонь. Грустно, когда горят леса, но мне нравится копченый апрельский ветер. Он пахнет пылью, дачным костром и немного печеной картошкой. Запах Пашкиного дня рождения. Раньше мы всегда отмечали его на даче.

Нужно успеть поговорить с Максом до праздника, чтобы не получилось тупо. Он же все равно зайдет поздравить Пашку! И что я ему скажу? «Привет, Макс, как твой „кряк“? Сам-то дотянешь до следующего дня рождения?»

Всё. Пора действовать! Я решила выцепить Макса и сказать хоть что-нибудь. Может, начать с того, как мне нравится идти рядом с ним? Когда мой ярко-желтый рукав слегка касается его нагло-красного, будто мы держимся за руки. А потом рассказать, как на перемене я забегаю в класс к Пашке под ерундовым предлогом, чтобы увидеть разбросанные вещи Макса на соседней парте. Тетрадь по физике, ручка с обгрызленным кончиком, сточенный карандаш, ластик-авокадо.

Нет, ничего из этого я не скажу, конечно. Просто узнаю, как дела. Чтобы Макс понял: на меня можно положиться.

Сегодня.

Маринка все еще на больничном, а у Пашки английский, он задержится. Макс пойдет домой один. Я слиняю с последнего урока и спрячусь в забегаловке «Шаурма на углях». Она по пути, Макс всегда там ходит. Подожду, соберусь с мыслями. Из окна открывается неплохой обзор. Когда на горизонте замаячит красная куртка, я как бы случайно выйду и столкнусь с Максом. Он не успеет сбежать, нам придется идти домой вместе. Я уже так делала пару раз. Беспроигрышный вариант, не подкопаешься.

Но сегодня все пошло не так. Слинять не удалось. Пятый и шестой урок поменяли местами, и вместо русича получилась химия. А химичка у нас зверь. Пришлось честно отсидеть урок и после звонка бежать в гардероб. Но гардероб захватили одичалые мартышки из началки, которые скакали, орали, толкались и кидались сменкой. В результате потеряла минут десять, пока добывала свои шмотки.

Я выскочила из школы и рванула в шаурмичную. По классике жанра, плохо завязала шнурки, они, конечно же, развязались, и я чуть не навернулась. Но, хвала кошачьим богам, вовремя сделала тройное сальто с переворотом – надеюсь, акробатическая импровизация, которую мне пришлось изобразить, очень на него походила, – и не упала. Типичная Ася. У которой вечно всё наперекосяк.

В «Шаурму на углях» я влетела, будто за мной гнались зомби верхом на радиоактивных акулах.

– Что заказываем? – спросил жизнерадостный кассир, он же повар, он же уборщик, он же охранник.

Нижняя челюсть у него выдавалась вперед и напоминала автомобильный бампер, на который налипла окровавленная шерсть только что сбитого животного. На самом деле это были пятна томатного соуса на подбородке и жиденькая бороденка, но, когда я нервничаю, воображение выдает всякую чушь.

– Шаурму с курицей и халапеньо, – выпалила я первое, что пришло в голову, загнипнотированная томатным бампером.

Вот блин! Это ж Пашка всегда берет с халапеньо, а я всегда с моцареллой. Я вообще есть не собиралась. Это все Пашка! Влез мне в голову со своим дурацким халапеньо. Все потому, что я деньги ему на подарок проедаю. Фиг с этим Пашкой, куплю ему футболку, не переломится. Что я скажу Макс! Вот что главное!

«О, Макс! Вот неожиданность. Домой? Будешь шавуху?»

Брови приподнять и улыбнуться, будто меньше всего ожидала его встретить, но ужасно рада. Волосы откинуть назад – небрежно, будто мне плевать, как я выгляжу, но чтобы локоны красиво и драматично упали на лицо. Голову наклонить, выглянуть из-под рассыпанных волос и спросить чуть тише, с легкой хрипотцой, которая придает голосу особую душевность и глубину: «Как ты?»

А дальше действовать по ситуации.

Я все это благополучно отрепетировала, пока готовилась моя шаурма. Вдохнула, выдохнула. Но успокоиться не получалось. В животе крутило, музыка орала, в тесный ларек набилась толпа гардеробной мелочи.

Они громко обсуждали свои заказы, толкались, смеялись, ну точно ведь мартышки!

Мало того что на витрину налепили новую рекламу и окно сократилось в два раза, теперь и мелюзга закрывала мне обзор. Я начала их расталкивать, но те возмущенно запищали. Я нервничала и злилась, злилась и нервничала. Наконец-то выдали мою шаурму. Я вцепилась зубами в горячий, ароматный бок, и у меня чуть глаза не выскочили. Халапеньо добавили щедро, огня хватило бы на парочку вулканов. И как Пашка это ест? Во рту начался пожар, из носа и глаз потекло. Теперь вместо душевной хрипотцы получится нечто среднее между предсмертным хрипом задушенного хомяка и вороньим карканьем.

Я закашлялась и огляделась в поисках воды, но мелюзга приобрела газообразное состояние, то есть заполнила собой все пустое пространство. До кассы было не добраться. Оставался один путь – на выход. Похоже, на сегодня миссия «Поговорить с Максом» провалена.

Я ринулась к двери, прокладывая путь локтями. Мартышки недовольно повизгивали и пихались в ответ. На улицу меня буквально вытолкали. И все бы ничего, но подвели роковые`шнурки! Второй раз из-за них чуть не упала.

Ладно. Упала. Растянулась прямо на пороге «Шаурмы на углях». Прямо лицом в халапеньо. Прямо Макс! под ноги.

Максу и Милане.

– Ася? Ты в порядке? – Макс присел на корточки и обхватил меня за предплечье, помогая подняться. Даже сквозь куртку и рубашку я чувствовала покалывание от его пальцев. Будто по руке бежали веселые разряды электричества или самых настоящих молний.

– Все окей, – сказала я голосом человека, которому на макушку шлепнулась голубиная какашка. Человек еще не решил, радоваться ему, потому что голубиные какашки прилетают к деньгам, или смутиться, потому что это видела вся остановка.

– Держи. – Милана уже протягивала мне пачку влажных салфеток. И как это она так быстро успела их достать? Вот же белобрысая моль!

– Спасибо!.. – выдавила я, вытирая с лица томатный соус. – А ты как? – спросила я у Макса многозначительно, с душевной хрипотцой, выглядывая из-под драматично ниспадающих волос, в которых запутались кусочки острого перца.

Макс замер. Его рука на секунду дрогнула и больно сдавила предплечье. Он дернул головой и быстро, будто уворачиваясь от удара, глянул на Милану. Она вернула ему взгляд, такой же стремительный, полный понимания, для которого не нужны слова.

Между ними появилось что-то неуловимое и тонкое, похожее на лесную осеннюю паутинку. Если просто смотреть, то ничего не видно, но стоит наклонить голову под особым углом, как серебристая ниточка тянется от сосны к березе, от пожухлой травы к земле и дальше,

дальше, соединяя весь лес в единое целое. Между Максом и Миланой протянулась невидимая струна – связь.

Она знает. Макс ей рассказал.

Белобрысая моль походила на веганское мороженое. С виду такое красивое, ангельски белое, с кудрявыми завитками сливок, в изящном вафельном стаканчике, но стоит откусить, как на языке тает гречневая бурда. Без сахара, без пальмового масла, без глютена, без, без, без... Максимум пользы. Правильное до оскомины. Вот и Милана с виду вся такая идеальная, а внутри – безвкусная бурда, пустой пакет.

Ладно, вру. Я пробовала веганское мороженое. Оно вкусное. Даже гречневое. Это и бесило больше всего! К Милане невозможно придраться. Она перешла в нашу школу в прошлом году, но уже через месяц завела кучу друзей. Милана общалась со всеми, не делая различия между классами и параллелями.

Она вела блог о книгах, волонтерствовала в приюте для животных, поддерживала всякие школьные активности, хорошо училась, участвовала в олимпиадах и в полнолуние обрастала шерстью. Последнее, конечно, мои мечты. Но не может человек быть настолько идеальным!

Синеглазая блондинка, тоненькая и воздушная, как зефирная балерина. Милана сразу влюбила в себя почти всех. Но звезду из себя не строила. Казалось, она вообще не придавала этому значения. Даже Пашка по ней с ума сходил. И Макс... Но Милана вроде ни с кем не встречалась.

И вот сейчас эта идеальная Милана знает секрет Макса. Он сам ей рассказал. Не потому, что Милана случайно подвернулась под руку. Как я. Макс *захотел* ей рассказать. А она, она...

– Ась, – сказал Макс тихо, с душевной хрипотцой, за которой пряталось то ли раздражение, то ли бесконечная усталость. – Ну... Я норм. Давай про это не будем, окей? Мы же договаривались.

– Окей, – ответила я машинально.

Макс кивнул, откинул с лица шоколадную прядь и улыбнулся.

– Ну, пока. Пашке привет.

– Ага.

Макс ушел. Вместе с Миланой. В отличие от меня Милана не струсилась. Ее белый рукав слегка касался нагло-красного, но Милана не просто шла рядом, она держала Макса за руку.

На ее месте могла быть я.

## Костик

Я уселась на скамейку во дворе. В белесом небе светило солнце, круглое и желтое, как блинчик. Вкусно пахло костром. Яблони окутала зеленая дымка. Мимо пролетела первая крапивница. Так хорошо. Даже не верится, что еще недавно кроссы тонули в ледяной жиже, а ветер, этот ласковый, пыльный дружок, кололся и жалил, будто злейший враг.

Все будет хорошо. Все просто обязано быть хорошо. В такие дни невозможно думать по-другому. Я ни за что не проиграю Милане.

Фу, как гаденько это звучит. Будто соревнование. Будто речь только о внимании Макса. Фу, противно, Ася. Фу-фу-фу!

Нужно сосредоточиться на плане. Он моя точка опоры. А без опоры жить невозможно. Я придумую, что сказать дома. Деньги на дорогу тоже достану. Про палатку можно узнать у одноклассников. Вроде Птичкин что-то рассказывал про поход. Но я все равно одна! А мне нужен попутчик, который не станет задавать лишних вопросов, доедет со мной до «Лосиной горы» и поможет найти метеорит. Кто-то взрослый.

Нереальная задача.

От досады хотелось плакать. Я до боли прикусила щеку, чтобы не разреветься прямо на скамейке. Все показалось бессмысленным. Какая-то дикая насмешка. И солнце-блинчик, и нежная зелень, и ласковый ветерок, и легкая туманная дымка. Зачем это, когда внутри все кричит?

Я залезла в интернет. Проверила группу в «ВК», увидела еще одно сообщение от счастливого, который отыскал метеорит. Расстроилась. Этот осколок мог стать моим. В комментариях под постом камень предлагали купить за безумные деньги. Один человек написал, что лучше не светить находками, потому что его знакомого уже ограбили в поезде. Взяли только метеорит. Значит, выследили. Но в полицию тот не пошел – побоялся выглядеть глупо. «Здравствуйте, у меня украли камень из космоса. Говорят, он волшебный».

Ну класс, вот теперь я точно одна не поеду. Неужели это всё?

На меня навалилось что-то темное и горькое. Наверное, отчаянье. Небо тоже потемнело. Запах гари усилился. Пока я рылась в телефоне, ветер переменился и гнал дым от лесных пожаров в сторону города. Солнце покраснело и мрачно глядело сквозь серую хмарь, как злое око Саурана.

В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Вот пойду и пореву как следует! Вроде Бабтани дома нет.

Только Цезарь осторожно прибежит и будет нюхать меня, словно впервые видит. Что это за девчонка тут разлеглась на Асиной кровати и рыдает в подушку? Я и сама не знаю, Цезарь. Наверное, я действительно перестану быть собой, если не найду выход.

И тут, будто в насмешку, снова заиграла та прекрасная мелодия, которая Бах или Моцарт. К подъезду шел Славка. Унылый, бесцветный Славка в гигантской толстовке с Бэтменом.

– Да, мам, уже у подъезда, – на этот раз Славка ответил на звонок, – да, Костик со мной.

Следом из арки действительно вышел Костик – его старший брат. Может, мне показалось, но где-то над самым ухом раздался тихий совиный крик. Наверное, так подает голос судьба.

Мне нужен попутчик, который не станет задавать лишних вопросов, доедет со мной до «Лосиной горы» и поможет найти метеорит. Кто-то взрослый!

Если Славка походил на тощего гнома, то Костик напоминал Алёшу Поповича из мультика про богатырей. Двухметровый, квадратный, надежный. С пшеничными волосами и лицом, похожим на летний день. Когда небо ясное, ветер теплый и всё вокруг понятное и очень-очень простое. Но именно в этой простоте и кроется ценность. Таким людям доверяешь

с первого взгляда, потому что у них внутри встроен компас, который безошибочно указывает на добро. В этом их сила, она притягивает и заставляет улыбаться.

Таким Костик был раньше. Рядом с ним всегда кто-то улыбался. Славка, их мама, бабульки на лавочке у подъезда. Даже бездомные собаки, главная жизненная цель которых основательно обляять всех, кто не дворник, при виде Костика переставали гавкать и приветливо махали хвостами.

Не знаю, чем Костик занимался, но пару лет назад с ним что-то случилось в командировке. То ли головой ударился, то ли клещ укусил. Костик вернулся домой другим. Но сейчас он был моей единственной надеждой. Взрослой надеждой!

Костик остановился. Принюхался. Помрачнел.

– Слав, дымом пахнет.

Славка поднял голову и оглядел белесое небо.

– Вот черт, – буркнул он себе под нос, – пошли домой!

– Слав, ну, горит где-то... – Взгляд Костика начал метаться по двору. Наверное, Костик искал источник пожара. Но пахло везде.

– Тебе показалось. – Славка буквально впихнул Костика в подъезд. Та еще задачка, учитывая, что Костик – это примерно два Славки.

– Горит. Гречка же сгорит... – услышала я прежде, чем дверь захлопнулась.

## Огуречная атака

Я мялась возле входной двери и никак не решалась позвонить. Всю ночь не спала – сочиняла вранье поубедительней, чтобы Славка и Костик поехали со мной, – и теперь синяками под глазами напоминала грустную панду. Наверное, оно и к лучшему, панды милые, всем нравятся. Может, сработает?

Еще и гороскоп на сегодня как раз в тему. Ну разве не знак?

«Раки, настало время решительных действий! Возможны незначительные препятствия на пути к цели. Верьте в себя, и все получится. Помните, искренность – лучшее оружие».

Только действовать решительно у меня не получалось. Все мое вранье, которое я так тщательно сочиняла ночью, при свете дня казалось детсадовским бредом. И что я выиграла путевку на турбазу за репост в «ВК», а все мои друзья ехать отказались. И что решила найти метеорит Пашке на день рождения, он их коллекционирует, и это сюрприз. Казалось, каждая причина шита белыми нитками. Причем настолько халтурно, что через дыры можно просунуть голову.

Сколько я уже тут круги наматываю? Я полезла глянуть время, но, пока доставала телефон, из кармана выпала морская галька. Камешек весело прокатился по площадке и скрылся под старым раздолбанным креслом. Раньше там любил посидеть-покурить соседский дед. Судя по отсутствию жестянки с окурками, он это дело бросил.

Я полезла за галькой, но она, как назло, далеко закатилась. Пришлось встать на колени, посветить телефоном под кресло, но тут приехал лифт, – вот же непруха! – и на площадку вышла бабулька с огромными пакетами. Она прищурилась и шагнула в мою сторону. В воздухе запахло угрозой.

– Ты к кому, девочка?

– В двести семьдесят третью. – Я как раз нащупала камешек, вскочила на ноги и машинально назвала номер квартиры, который оказался перед глазами. – Ой, в двести семьдесят пятую! – Я тут же исправилась и назвала Славкину квартиру.

В ответ бабулька прищурилась еще сильнее, остались тонкие щелочки ровно такого размера, чтобы метать убийственные взгляды.

– А я знаю, зачем ты пришла, – сказала бабулька и выдала то ли танцевальное па, то ли секретный прием кунг-фу, я не разобрала. Но путь к отступлению был отрезан: необъятные пакеты перегородили дорогу одновременно и к лифту и к лестнице.

Я не почувствовала подвоха и решила, что это очередной знак. Может, мне к Славке и не надо. Вдруг Фиолетовая сова приберегла для меня другой вариант? Вот сейчас эта смешная бабулька с ядерно-розовой помадой и веселой кудряшкой, выглядывающей из-под зеленого берета как перевернутый вопросительный знак, скажет...

– Клопов подбрасываешь!

– Чего?.. – Я вытаращилась на бабульку, словно она внезапно заговорила на арамейском.

– Знаю я таких, как ты! Приносят в баночке клопов и выпускают в подъезде. А потом как бы случайно объявление от дезинсекторов висит. Мол, избавляем от клопов и тараканов. – Бабулька хотела потрясти в воздухе кулаком, но получилось – пакетом. Внутри что-то приветливо звякнуло.

– Да вы спятили, что ли?! – До меня наконец-то дошло, что она имела в виду. Ну да, странная картина – девочка с телефоном на седьмом этаже стоит на коленях и шарит под старым креслом.

– В полиции разберутся, кто тут спятил! – При слове «полиция» бабулька аж слюной брызнула. Хорошо, что до меня не долетело. Сюрреализм какой-то. Пришлось прикусить щеку,

чтобы не расхохотаться. – Нет, вы поглядите. Она еще и лыбится! Сразу видно, преступница. Синяки-то под глазами какие! На пол-лица.

Похоже, я ошиблась, грустные панды нравятся далеко не всем.

– Ну, знаете, это уже оскорбление! Я же сказала, что пришла в двести семьдесят третью! То есть пятую.

Я вдруг почувствовала себя ужасной душой. Искать метеориты – глупо. Надеяться, что Славка мне поможет, – наивно. Верить, что я смогу победить «кряк», – смешно. Лучшее, что я могу сделать, – пойти домой, забраться под одеяло и реветь, пока не умру от обезвоживания.

Зря я вообще сюда пришла. А ведь хотела Славку в школе перехватить или по пути домой. Но струсил. Решила, что из собственного дома он сбежать не сможет. Разве что дверь у меня перед носом закроет, но Славка бы так не поступил. Это в школе он еще мог отмахнуться, но с глаза на глаз вряд ли. А тут эта бабулька расшумелась. Вот тебе и «незначительное препятствие», гороскоп не соврал.

– Не помню, чтобы дверь в двести семьдесят пятую была под креслом. Что там у тебя в руке? Колба с клопами?! – Бабулька дернула острым подбородком и уставилась на мой кулак с камнем.

– А это вас не касается. Личные вещи. – Зверски захотелось показать бабульке язык, но я сдержалась.

Вместо этого двинула к лестнице. Поговорю со Славкой завтра. Вдруг это все-таки знак и нужно придумать другой план? Я засунула руку в карман и для верности сжала морскую гальку. Ее надежная гладкость успокаивала.

– Никуда ты не пойдешь! Я тебя с поличным поймала! – Бабулька сдаваться не собиралась. Она вцепилась в мой локоть, при этом не выпуская свой огромный пакет, и начала трясти меня за руку. Нет, ну это уже совсем не смешно. Хулиганство какое-то!

– Да отстаньте вы! Нет у меня никаких клопов. Я домой пошла!

Я вырвала руку и сделала шаг к лестнице, но бабулька снова вцепилась в рукав. При этом ее огромный пакетище ударил меня по ноге. Я оттолкнула его коленкой, пакет маятником качнулся в сторону и снова полетел в меня.

Но, нагруженный до предела, таких выкрутасов он не выдержал – лопнул. Продукты посыпались на лестничную клетку. Картошка, лук и яблоки весело поскакали по ступеням вниз, упаковки муки и макарон упали на пол разноцветной кучей, колбаса покатила к лифту, творог шмякнулся прямо в пролет между этажами. Но мне, как особо везучей, на ногу прилетела банка огурцов. Которая тут же треснула, и холодный рассол потек в кроссовку. Больно вообще-то! Я завизжала, стянула кроссовку и, прыгая на одной ноге, начала вытряхивать жидкость. Вот этого всего в гороскопе не было!

– Ася? Ты чего тут делаешь? – Из двести семьдесят пятой квартиры высунулся Славка.

– К тебе пришла. Но тут твоя соседка пыталась украсть мой камень. – Я сунула морскую гальку бабульке под нос. – Когда я оказала сопротивление, она применила соленое оружие. – Потрясла кроссовкой, в которой хлюпал огуречный рассол.

Бабулька стала красная, будто искупалась в помидорном соке, и начала отступать к двести семьдесят третьей квартире, прижимая к себе уцелевший пакет.

– Агриппина Львовна, с вами все в порядке? Это ваше? – Славка подобрал картофелину, которая валялась возле его двери, и протянул бабульке.

Та наконец-то пришла в себя, возмущенно поджала ядерно-розовые губы и начала орать.

Вот есть же люди, которые вместо того, чтобы признать свою вину, набрасываются на окружающих. Агриппина Львовна оказалась именно такой. И все-то кругом хамы, наглецы и воры. Досталось даже деду из двести семьдесят четвертой. И подружка-то у Славки чокнутая, и сам Славка, наверное, тоже чокнутый, раз с такой общается. Что вообще не удивительно, потому что сумасшествие – это семейное. И что она, бедняжка, спать по ночам боится, вдруг

к ней ворвется двухметровый псих с топором. Тоже мне, старуха-процентщица! Наверняка поэтому и квартиру ей так дешево продавали, а она-то радовалась, дурочка, что удачно жильё купила!

А вот это она зря, конечно. Про психов. Славка сразу помрачнел и вцепился в край футболки с Капитаном Америкой, будто сам себя сдерживал.

– Кто тут чокнутый, так это вы, – произнес он тоном человека, который готов ударить.



И тут я поняла, *что* скажу Славке, чтобы он поехал со мной.

Агрипина Львовна дернула острым подбородком, но ничего не ответила. Она скрылась в своей квартире, демонстративно хлопнув дверью.

– Заходи, Ась.

– Угу.

## Искренность – лучшее оружие

Любовь – странная штука. Почти как воздух, который нельзя увидеть или потрогать, но без него нет жизни. Любовь толкает на удивительные поступки – отправиться на поиски упавшей звезды или день за днем жить рядом с человеком, которого называют психом.

Когда Славка закрыл за мной дверь, я уже знала – он мне поможет. Потому что Славка понимает, что такое любовь.

– О, у вас обои новые! – Я оглядела коридор, где почти ничего не изменилось: овальное зеркало без рамы, темный встроенный шкаф, ключница в виде Эйфелевой башни. Даже погнутая ложка для обуви та же самая! Только фотографии на стенах свежие, и огнетушитель в углу появился. Раньше, когда мы со Славкой дружили, я часто тут бывала.

– Переклеили, – мрачно ответил Славка, до сих пор сжимая края футболки.

– Можно в ванную? А то носок пахнет вишнегретом. – Я пошевелила пальцами в мокром носке, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Ага, дорогу ты знаешь.

Кажется, он даже не удивился, что я пришла. Ничего не спросил, молча скрылся на кухне. Там послышалась возня: зашумел чайник, хлопнул холодильник, звякнула посуда, скрипнул стул, зашуршал пакет. Знакомые, уютные звуки, от которых сразу стало спокойно. В Славкиной квартире я всегда чувствовала себя как дома. Могла сама себе сделать яичницу или заварить чай. Тетя Оля, мама Славки и Костика, почти все время пропадала на работе. Папа у них погиб, когда Славка был маленький. Он его и не помнил толком. У нас с Пашкой тоже не было отца. Мы со Славкой друг друга понимали.

Я отправилась в ванную, постирала огуречный носок, повесила сушиться на батарею. Рядом с мужскими трусами в полосочку. Мой носок тоже полосатый. От этого дурацкого совпадения я глупо захихикала.

– Ася, ты что, плачешь? – Славка постучал в дверь. – Эта новая соседка просто тролль. Ну ее! Знала бы ты, как она Егорыча из семьдесят четвертой достает из-за кресла. Бойтся клопов. А Егорыч поначалу даже подкатывал к ней. Кабачки с дачи возил!

От того, что Славка меня утешает, стало еще смешнее. Меня затрясло, будто внутри включился отбойный молоток, который вот-вот проколотит в груди дыру. Я начала хохотать. Как же это все смешно! А полосатый носок рядом с полосатыми трусами на батарее в Славкиной ванной – последняя капля в череде абсурдных, невозможных событий. В какой же дикой реальности я очутилась!

В груди и правда заболело. Любовь – странная штука. Почти как воздух. Когда его не хватает – в груди болит, когда слишком много – болит не меньше. Смех перешел в слезы. Я часто рыдала за последние дни, но сейчас достигла дна. До меня вдруг дошло с обжигающей ясностью, что это все взаправду! И мой носок, который висит на чужой батарее рядом с чужими трусами. И Милана, которая держала Макса за руку. И смерть, которая... Ох...

У меня началась истерика.

– Ася, ты чего?! – Славка колотил в дверь. – Ася, открой!

Но я не обращала на него внимания. Включила напор воды посильнее, чтобы не слышать даже собственных мыслей. Сидела на полу, сжимая мокрый полосатый носок, и повторяла, будто сломанная детская игрушка: «Кряк, кряк, кряк».

Вода внезапно стихла. На меня уставился Славка. Оказывается, у него замок в ванной снаружи открывается. Зачем вообще такие бесполезные замки? Никакой личной жизни. Второй раз я попадаю в дурацкое положение в ванной! Типичная Ася.

– Ася... – осторожно позвал Славка. Казалось, он сейчас сам расплачется. Но было что-то такое бережное и теплое в его голосе, что я с ходу выложила ему, зачем пришла. Как и советовал гороскоп: «искренность – лучшее оружие».

– То есть какой-то твой друг заболел раком и...

– Не произноси это слово! – Я замахала руками. В слове на букву «р» не было надежды. Оно обжигало и моментально лишало сил. А силы мне нужны.

Мы сидели на кухне и пили чай, Славка даже бутеры с сыром сделал. Будто не было позорной утиной истерики. А я просто забежала в гости после музыкалки. Как тысячу лет назад.

– Хорошо, – тут же исправился Славка. – Какой-то твой друг... – Он на секунду замолк и как-то странно на меня посмотрел, будто знал, кого я имею в виду. Хотя это исключено! – Заболел... «кряком», но ты не скажешь кто, потому что это тайна. Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой на турбазу в воронинский лес искать осколок метеорита, который, по слухам из интернета, волшебный. И он вроде как может вылечить р... Прости, «кряк». Но об этом тоже нельзя никому рассказывать, потому что все решат, что ты ку-ку, и никуда не пустят. Я все правильно понял? – В Славкином голосе не было ни иронии, ни осуждения, ни поддержки. Он словно учебник по физике читал.

Я поерзала на стуле и кивнула.

– А! И самое главное, я должен взять с собой Костика. Потому что для всей этой авантюры нужен кто-то взрослый, – добавил он и уставился на меня, ожидая реакции.

Я сделала глубокий вдох, шумно отхлебнула чай и снова включила режим искренности. Как советовал гороскоп.

– Понимаю, это звучит бредово. Но, Слав, а вдруг это правда? Вдруг метеорит действительно сработает? Ну бывают же на свете чудеса! Если бывает такое зло, как «кряк», значит, и чудеса быть должны! Просто обязаны! Это же принцип равновесия. Неужели ты смог бы спокойно спать, зная, что твой друг... – Я запнулась, проглотила подступающий к горлу слезный комок и сказала самое страшное: – Умирает. А ты не сделал все, что в твоих силах?! Я знаю, мы давно не общались, и, возможно, это выглядит, будто я хочу тебя использовать, но... Мне больше некого просить.

Славка вздрогнул и отвел глаза.

– А вдруг метеорит и Костика поможет! И он снова станет таким, как до клеща. – Я выложила самый козырный аргумент.

– Ась, вот это все про чудеса очень здорово. Но в твоих рассуждениях есть огромные логические дыры. – Славка посмотрел на меня совершенно нечитаемым взглядом. – Во-первых, с чего ты решила, что Костик согласится? Во-вторых, что я должен маме сказать? В-третьих, при чем тут клещ?!

– Ну-у... – Вот что тут скажешь? Я и правда об этом не думала. – Мама у вас на дежурстве же часто. Два через два, я помню. Можно съездить, когда тети Оли дома не будет. Мы должны успеть. Я все рассчитала. А Костик... Он, ну он же...

– Псих? – закончил вместо меня Славка.

Это был тест. Если я отвечу неправильно, Славка меня выгонит, и никакая старая дружба не спасет. Я сунула руку в карман и сжала морскую гальку. Камешек оказался теплый. Хороший знак.

– Костик сохранит тайну и не станет задавать лишних вопросов, – ответила я скороговоркой. – Слушай, Слав, я знаю, что Костика после клеща иногда кроет.

Да весь двор это знает, – добавила я, когда Славка нахмурился. Он хотел что-то сказать, но передумал. – А еще я помню, что Костик – отличный парень и ему можно доверять.

– С чего ты это решила?

– Потому что ему доверяешь ты.

– Ох, Ась!.. – Славка вздохнул так тяжело, будто он семидесятилетний дед. – Как это все не вовремя. В лес сейчас нельзя. МЧС запрещает. А все плюют и ездят, а потом леса горят. А когда горит...

– Думаешь, существует подходящее время для «кряка»? И какое это, интересно? – сказала я зло. Бесит! Не хочет помогать, пусть сразу скажет. Зачем вот это все про МЧС разводить? Тоже мне, защитник природы.

Славка еще раз по-дедовски вздохнул и посмотрел на меня.

– Ась, ты не оставляешь мне выбора. Если я откажусь, то буду сволочью. Получится, будто из-за меня твой друг...

– Умрет.

– Все так плохо?

– Да.

Если честно, я не знала, насколько все серьезно у Макса. Но в книгах и фильмах «кряк» всегда означает билет в один конец.

Славка вздохнул в третий раз.

– Ты сама спроси у Костика. Если он согласится, поедем.

## «Ну, удачи!»

Пока я шла по коридору, перебирала в уме все, что знаю о Костике. Оказалось, не так уж и много. Когда мы со Славкой дружили, мне было как-то плевать на его старшего брата. Он учился в другом городе. К тому же Костик мне казался взрослым дядькой. У них со Славкой разница больше десяти лет. Глядя на тощего гнома Славку, трудно представить, что он когда-нибудь станет похож на богатыря, а волосы приобретут красивый пшеничный оттенок. Славка будто и не вырос за все это время, а Костик... Костик изменился.

Теперь он походил на свою ч/б копию. Вроде все то же самое, но нет главного. Словно внутри разбилась лампочка, и свет, который делает каждого человека самим собой, погас. Пшеничные волосы посерели, вокруг рта залегли морщины, которые не скрывала даже светлая щетина. Такие бывают у людей, которые привыкли ждать от мира плохого.

Костика иногда крыло. В плохие дни он носился по двору и обливал водой мужиков у подъезда, которые вышли покурить, или прятался где-нибудь и рыдал из-за подгоревшей гречки. Славка за ним присматривал и приводил домой.

Но это все началось уже после того, как мы со Славкой перестали общаться. А почему, интересно, мы перестали общаться?

– А-э-м, привет! – Я постучала по косяку, дверь в комнату была открыта.

Костик сидел на диване и скролил экран телефона. В комнате стоял полумрак. Сквозь щель в тяжелых шторах пробивалось веселое апрельское солнце. Все, чего касался острый луч, становилось живым и объемным: золотые пылинки в воздухе, пестрый ковер на полу, кусочек письменного стола, на котором лежала рекламка доставки роллов, плед в бежевую клетку на диване. Остальное казалось плоским, будто вырезанным из картона. Включая самогó Костика.

– Салют, ты кто?

– Костя, я Ася Кузнецова. Ты меня не помнишь. Мы раньше со Славкой в музыкалку ходили.

Вместо ответа Костик дернул плечом, будто отгонял муху.

– И?

– Костя, это звучит странно и неожиданно, но мой друг умирает.

Получилось на удивление легко. Будто разговариваешь с пустотой. Только ноги все равно подкосились, и я сползла на пол.

Костик развернулся, оторвал взгляд от телефона и посмотрел на меня. Полоска света скользнула по волосам, и они снова стали цвета спелой пшеницы.

– А я тут при чем? – спросил он то ли с усмешкой, то ли с интересом.

– Ты можешь помочь мне его спасти.

Он изучал меня несколько секунд, а потом покачал головой:

– Думаешь, это кино? Супергерои и все такое? Сорян, Асякузнецова, это жизнь, тут нет супергероев.

– Я так не думаю. У меня есть план и...

Я не успела договорить – с Костиком начало происходить что-то странное. Он сморщился, будто ему больно, закрыл глаза рукой, начал мелко трястись и, кажется, задыхаться. Я вскочила, собираясь бежать за Славкой, но потом поняла, в чем дело.

Костик смеялся.

– План, ага! – Он салютовал мне двумя пальцами. – У меня тоже был классный план, но... Гречка... – Он замолчал и мгновенно изменился. Губы сжались в тонкую нитку, а взгляд приклеился к синему цветку на ковре. Сомневаюсь, что Костик разглядывал узор, он провалился внутрь себя и там застыл, словно доисторический комар в янтаре. На вид вроде живой, а на деле – пустая оболочка.

– Эй!.. – позвала я осторожно.

– Я никого не могу спасти. Ты тоже. – Костик мотнул головой, стряхивая оцепенение. – Никто никого не может спасти. Смирись и съешь печеньку. Ну, пока.

– Иди ты знаешь куда! – Кулаки сжались сами собой – до того мне захотелось треснуть Костика за неуместный сарказм, а потом треснуть Славку, а потом, потом... – Я все равно его спасу!

– Ну, удачи! – сказал Костик и снова уставился в телефон.

Я поняла, что это конец. Мгновенно и сразу. Костик мне не поможет. Никто мне не поможет. Я бросилась в коридор. Славка что-то говорил, но я на него даже не смотрела. Натянула кроссы – носки так и остались на батарее – и выбежала в подъезд. Вниз по ступенькам. Бегом до самого дома. Заперлась в ванной и основательно поревела. Еще раз. Пока слезы не кончились, осталась только тупая серая пустота. Я словно падала в одинокую, холодную темноту, похожую на открытый космос. В скафандре еще остается воздух, но страховочный трос, соединяющий с кораблем, порвался.

\* \* \*

«Не знаю, как тебе это удалось, но Костик согласился», – пришло сообщение от Славки на следующий день. Номер у него остался прежний. Я несколько минут пялилась в телефон, прежде чем поверить, что Славка не врет. Вдруг опять маршруточное проклятие, когда я принимаю двадцать вторую за шестерку. Может, я так много об этом думаю, что уже глюки начались. Нет, надо все выяснить. Я заперлась в ванной, врубила воду, чтобы всякие Пашки не подслушивали, и позвонила Славке.

Хвала кошачьим богам, он сразу ответил.

– Ася? Привет!

– Костик реально согласился?

– Да, я сам удивился.

– Нет, подожди. Костик... как бы дал понять, что не станет мне помогать. Если это какой-то прикол, то вообще ни разу не смешно.

– Ась... – Славка замолчал, в телефоне послышалось пыхтение, будто он тоже прячется, чтобы его не слышали. – Костик, он... ну, с ним сложно иногда. Он бывает слишком резкий.

На этой фразе мне захотелось завопить. Резкий, как же! Да твой Костик – настоящая язва!

– Он вечером спросил, что случилось, – продолжил Славка, – я вкратце обрисовал ситуацию и твой план. В общем, Костик согласился.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему согласился?

– Не знаю! Тебе это важно?

Нет. Совсем неважно.

– Ладно, спишемся вечером. Скинь мне ссылки на твоих метеоритоискателей. Я посмотрю.

– Окей.

Я уже хотела отключиться, но почему-то медлила. Славка тоже повис и молчал. Никто не хотел заканчивать разговор первым, будто надо обсудить еще что-то важное. А что, ни я, ни Славка никак не могли понять.

– Слав, почему ты согласился помочь?

А вот это было важно. Да, мы раньше дружили. Но пару лет не общались вообще. Странно, но теперь этих пары лет будто не было.

– Ась... Ну я же не сволочь. – Славка вздохнул. – Я не хочу, чтобы твой... друг, – последнее слово он произнес с особой интонацией, будто догадывался, что Макс не просто мой друг, – ну, того... ну, ты поняла.

– Угу.

– Иногда с хорошими людьми случается плохое. Очень важно, чтобы рядом оказался кто-то и помог. Иначе в чем вообще смысл всего?

Я молча кивала, потому что Славка озвучил мои мысли. Фиолетовая сова не ошиблась, мы спасем Макса! Я прижала к щеке телефон, будто этот черный прямоугольничек – самый милый на свете котенок.

– Ася, ты меня слушаешь?

– Да, я понимаю.

– Ладно, мне пора. Пока.

– Пока.

Я вышла из ванной и рассмеялась весело и легко, как человек, который уже почти совершил чудо.

– Ты чего? – из-за стеллажа, который разделял нашу комнату на две половины, выглянул Пашка.

– Маринка скинула новый клип. Все-таки эти корейцы такие милахи. Хочешь посмотреть? – спросила я с коварной улыбкой.

– Не-е-е, – поморщился Пашка и снова нырнул за стеллаж.

Когда мне надо выгнать Пашку из нашей общей комнаты, я всегда врубаю кей-поп, Пашка его люто ненавидит.

– Пашка, Пашка! – Я заглянула за стеллаж.

Он валялся на кровати с телефоном и что-то строчил.

– Пашка!

– Ну чего тебе?

– У тебя деньги есть?

## Спасибо толику

«Ехать надо на этих выходных. Лучше в пятницу утром, пока Костик не передумал. Мама как раз на дежурстве», – пришло от Славки вечером.

«Кстати, палатка и пара спальников у нас есть. Я тебе напишу попозже, что взять для ночевки в лесу».

«Сможешь отпроситься из дома?»

«Но ты пока сильно не радуйся, мы еще ничего не нашли».

Славка сыпал сообщениями, а я сидела с открытым ртом и мысленно составляла список, что нужно подготовить к поездке. У меня есть три дня, чтобы раздобыть денег (Пашка, естественно, ничего мне не дал) и сочинить предлог для мамы и Бабтани, чтобы слинять на выходные.

«Круто! Дома что-нибудь придумаю», – отправила я в ответ и прикрепила стикер с курицей, которая бежит из стороны в сторону.

А дальше быстро-быстро, будто от скорости зависит ответ, набрала:

«Только, Слав, у меня денег нет», – отправила и зажмурилась. Вот сейчас Славка напишет, что я совсем обнаглела. Он еще и эту проблему за меня должен решать.

«Не парься. У Костика есть», – прислал Славка.

Я чуть не расплакалась и тут же простила Костика, что он такая язва.

«Слав, я твоя должница до гроба», – написала и поняла, как неуместно это звучит.

Хотела удалить, но Славка тут же прислал:

«Не надо до гроба».

Вместо ответа я отправила стикер с лягушкой, которая расплывается в улыбке. Но Славка уже был офлайн.

А теперь нужно придумать предлог, чтобы слинять из дома. Легче легкого, только наоборот.

Черета везения началась с Бабтаниных похорон.

Не в смысле, что Бабтаня умерла. Божечки, даже думать о таком не хочу. Умер племянник троюродной сестры Бабтаниной тетки, некий Толик. У Бабтани по городам и селам жила целая толпа сомнительной дальней родни, с которой мы не общались, но Бабтаня периодически виделась и созванивалась. Толик был как раз из этой серии. Он проснулся утром, решил, как обычно, хлопнуть водки и умер. Водка оказалась паленая. Я, конечно, сочувствовала Толику, но если начинать каждое утро с водки, надо думать, рано или поздно это плохо кончится.

Бабтаня пустила слезу, накатила валерьянки и начала паковать вещи – ехать в деревню на похороны.

– Вот надо тебе тащиться в эту Гороховку! Нашла время! – Мама бросила недомытую тарелку и стала выкладывать из пакета продукты в холодильник. Остановилась на середине, достала из холодильника кастрюлю, поставила на плиту разогревать и снова схватила мыльную тарелку. Мама напоминала кухонное стихийное бедствие, когда сердилась.

– Смерть, Наташенька, времени не выбирает, – тяжело вздохнула Бабтаня и опрокинула вторую рюмку валерьянки.

Внезапная кончина Толика подействовала на нее удручающе. Обычно Бабтаня сокрушалась только для вида. Похороны тоже движуха, а движуху она любила. «В нашем возрасте только на похоронах и встречаешься», – обычно говорила Бабтаня, собираясь на очередное прощание. Но в этот раз что-то пошло не так и она расстроилась сильнее обычного.

– Зато ты можешь выбирать и никуда не ехать. – Мама убрала со стола валерьянку и поставила перед Бабтаней чашку чая.

– Толик ведь мой крестник, – сказала Бабтаня мягко, – а я не доглядела.

– У тебя этих крестников на футбольную команду! – Мама схватила полотенце и начала вытирать тарелку.

Бабтаня молча отхлебнула чай.

– А Паша? У него же день рождения в субботу. Как он тут один! Ты же знаешь, я работаю и буду поздно. Как бы ночевать в редакции не пришлось. Надо номер сдавать. Из-за майских праздников раньше обычного.

Мама работала дизайнером-верстальщиком в местном рекламном журнале. Из тех, что бесплатно раздают в магазинах. Это значило, что полмесяца мама почти ничего не делала, зато вторую половину, когда менеджеры набирали заказов и всем срочно нужны были макеты, мама на работе почти ночевала. Вот и сейчас она была загружена по уши.

– Ой, можно подумать, он с нами отмечать будет! – фыркнула Бабтаня. – А раньше-то всё на даче... – добавила она с сожалением.

– Пашка уезжает на баскетбольные соревнования.

Мама с Бабтаней вздрогнули, будто это сказала микроволновка, а я совершенно случайно материализовалась в пустом углу.

– Аська, ну нельзя же так людей пугать! – Бабтаня схватила за сердце. Но так, для вида, с сердцем у нее все в порядке.

– Какие соревнования? Почему я об этом ничего не знаю? – Мама швырнула полотенце на плиту, где разогревалась кастрюля с едой, о которой все успели благополучно забыть.

– Ну он говорил что-то такое в школе... – сказала я уклончиво, чтобы Пашку не подставлять.

Пашка и правда говорил, когда мы пересеклись в столовке. Про соревнования или что там у них по баскетболу бывает в соседнем городе? Но Пашка забыл и от мамы разрешение на поездку не принес. И Макс, скотина, не напомнил – о чем он вообще думает в последнее время? А завтра последний день. И что вообще за отстой ехать в какую-то дыру на собственный день рождения? У Пашки, конечно, были планы, но все такой отстой, такой отстой. В общем, типичный Пашка. Хотя я не удивляюсь, что Макс не напомнил, у него голова другим занята. А Пашка злился из-за Миланы.

Мама схватила телефон и вышла в коридор. Ух, Пашка, держись.

– А чем это пахнет? – Бабтаня встала и подошла к плите, открыла крышку – из кастрюли повалил дым. – Едрить-колотить, гречка сторела! – Она схватила полотенце и начала махать им из стороны в сторону, разгоняя дым по кухне.

Меня передернуло. Если Фиолетовая сова действительно умеет подавать знаки, то вот это был он.

– А можно я с тобой поеду? – выпалила я и где-то на середине фразы поняла, что нужно делать.

## Не заразный

Обстоятельства сложились как карточный домик – вроде бы идеально, но дунь, и все рухнет. Я надеялась, что Фиолетовая сова спрячет меня от ветра и домик выстоит.

Бабтаня, конечно, удивилась, что я собралась ехать в Гороховку. Но я наплела, что хочу поближе познакомиться с родней. Почувствовать силу рода и все в таком духе. Бабтаня воодушевилась, родня для нее святое, и тут же забыла, что мое спонтанное желание ехать на похороны выглядит как минимум странно, как максимум – подозрительно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.